

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ НОВАТОРСТВО ВИЛЕНСКИХ ИЗДАНИЙ СКОРИНЫ

В. В. АНИЧЕНКО, А. А. ПАРУКОВ

Как известно, в начале XVI ст. закончилось формирование белорусской народности. Вместе с тем эта эпоха характеризуется проникновением в Белоруссию с Запада идей Реформации. Образование белорусской народности, распространение разнообразных реформационных течений в совокупности с некоторыми другими причинами [Карский, 1898, с. 1–21] создали условия для проникновения в книжно-славянскую письменность элементов живых народных говоров. Этот процесс демократизации книжно-славянской письменности в той или иной степени охватил все жанрово-стилевые ее разновидности, в том числе и конфессиональную литературу. Определенному воздействию со стороны общенародного языка подверглись также и скорининские неперевожденные издания. Наиболее заметно это отразилось на всех языковых уровнях пражского и особенно виленского изданий „Псалтыри“, что выразительно проявляется при сравнении их с одноименными старорусскими текстами.

В этом отношении для литературно-письменного языка Московской Руси характерна противоположная картина. Здесь под вторым южно-славянским влиянием протекал обратный процесс, направленный на сохранение и закрепление традиционных норм книжно-славянской письменности [Журавский, 1967, с. 23].

В отличие от старорусских текстов в обоих скорининских изданиях „Псалтыри“ отразилась общая для старобелорусской деловой письменности тенденция упрощения и унификации графических средств для обозначения тех или иных звуков. Особенно выразительно проявляется у Скорины отступление от традиционных графических норм в системе гласных. Несмотря на устойчивость книжно-славянских традиций, предопределяемых религиозным содержанием „Псалтыри“, в обоих скорининских изданиях отражена утрата графических дублетов *i* и *ω*, вместо которых стали употребляться главным образом буквы *и* и *о*: *искрениш, людии, пиющиш, ноць, огонь*. Написание с *i* и *ω* сохранилось лишь в незначительном количестве случаев, свойственных

в основном словам, обозначающим библейские, географические и топонимические названия: *Іаковъ, Іерусалим, еѲіѡ, плене, сіѡнъ*.

В старорусских текстах традиции книжно-славянской графики сохраняются более последовательно, чем в скорининских изданиях: буква *і* всегда пишется в начале личных имен и в середине слов перед гласными (*Іѡсифа, людіи*); графема *ѡ* используется в начале слов, под выносными согласными (*ѡгнь, нѡщъ, домѡв*)¹.

Широко представлена в скорининских текстах „Псалтыри” и такая особенность старобелорусского языка, как последовательное смещение в употреблении *е* и *ѣ*. Уже в пражском издании выделяется значительная группа слов с *е* на месте *ѣ*: *река, дела, во страсе*. Вместе с тем здесь часты и случаи использования *ѣ* на месте этимологического *е*: *лѣсть, сыновѣ*, что объясняется отсутствием в старобелорусской письменности устойчивых графико-орфографических норм. Но если в пражском тексте написания с *ѣ* и *е* составляют две равноправные вариантные нормы, то уже в позднейшем виленском издании написания с *е* составляют значительно большую по количеству группу слов и грамматических форм: *река, дела, во страсе, сынове, лѣсть*. Это свидетельствует о том, что с продолжением издательской деятельности в Вильно связь Скорины со старобелорусской письменностью еще больше усилилась, в результате чего повысилась и интенсивность проникновения народных языковых элементов в „Псалтырь” 1525 г.

В старорусских списках написания с *ѣ* и *е* соответствуют традиционным правописным нормам: *рѣка, дѣла, въ страѣ, сынове*.

Более тесная связь виленского издания Скорины со старобелорусской письменностью проявилась и в выборе графических средств для обозначения звука *а* после мягких согласных и *я* в середине и конце слов. В то время как в пражском тексте звук *ѣ* в названных положениях передавался в равной степени графемами *Ѧ* и *ѧ*, в виленском издании преобладали написания с *ѧ*, хотя написания с *Ѧ*, характерные для памятников конфессиональной литературы, и составляли вариантную норму: *достоѦние, одеѦнна, своѦ* и *своѧ* (1517) – *достоѧние, одеѧнна, своѧ* (1525). В старорусских текстах слова этого типа писались без йотации *а* или с буквой *Ѧ*: *достоѧніе, одеѧнна, своѦ, наставлѧа*.

Интенсивное взаимодействие книжно-славянского и старобелорусского языков сравнительно широко отразилось в орфографической системе скорининских текстов. И здесь стремление Скорины сблизить язык конфессиональной литературы с общенародным языком наиболее

¹ В качестве сравнения здесь использованы старорусские списки „Псалтыри”, хранящиеся в отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (ф-304 и ф-322).

выразительно проявилось в виленском издании „Псалтыри” по сравнению с пажским, что отражало общую эволюцию книжно-славянского языка восточнославянской редакции [Журавский, 1976, с. 46–50]. Так, в виленском тексте более последовательно представлена такая народная орфографическая черта, как упрощение групп согласных *здр, рдц, стн*: *празъникъ, ненависными, сердце*.

Важной орфографической особенностью непереводных текстов Скорины является написание *ж* на месте общеславянского сочетания *дј*: *осуженъ, утвержены*, хотя в обоих изданиях старославянские сочетания составляют еще вариантную норму (*враждующие, чуждии*).

В обоих текстах „Псалтыри” Скорины отразился исконный, известный всем памятникам старобелорусской письменности переход *у* в *ў*, передаваемый на письме буквой *в*: *въбогъ, навчю, навчение, не втаисѧ, не вдали*. Но отсутствие устойчивых орфографических норм старобелорусского языка, влияние книжной традиции не позволили Скорине полностью осуществить замену *у* на *ў*, хотя написания с *в* более последовательно отражены в виленском издании.

Под влиянием старобелорусской письменности в скорининских текстах „Псалтыри” широко представлено написание *е* (*ѣ*) вместо безударного *ѧ* – характерная черта, известная литературно-письменному языку XVI–XVII вв. [Карский, 1885, с. 46] В лингвистической литературе эта особенность старобелорусского языка классифицируется как косвенное отражение яканья и прежде всего потому, что подобная замена встречается в памятниках разных жанров независимо от времени и места их написания [Булыка, 1970, с. 118]: *боленъ, месецъ, заецемъ*. В старорусских текстах „Псалтыри” перечисленные выше отступления от орфографических норм не наблюдаются.

Анализ морфологии двух скорининских текстов показал, что воздействие старобелорусского языка не в равной степени охватило все части речи. Наиболее последовательно традиционные морфологические черты сохранились в системе склонения существительных, прилагательных и местоимений. Тем не менее и здесь произошли определенные изменения, свидетельствующие о том, что традиционная система склонения указанных частей речи в конфессиональной литературе в Белоруссии начала подвергаться разрушению раньше, чем в Московской Руси.

Так, в обоих скорининских текстах у существительных с основой на *-о* в родительном падеже единственного числа допускались параллельные окончания *-ѧ* и *-у*: *до запада – западу*.

Специфической особенностью виленских изданий Скорины является родительный падеж множественного числа существительных с мягкой основой на *-о*, после которой употреблялось сложное окончание *-иен*, образованное, очевидно, путем слияния винительного падежа един-

ственного числа на *-ие* и новой генитивной формы множественного числа на *-и*: *оправданиие, селениие*.

Писцы старорусских текстов в системе имени существительного при отражении названных черт последовательно придерживались традиционных написаний: *до запада, оправданіи, селеніи*.

В системе прилагательного отступления от традиций проявились в частом использовании Скориной окончания *-его* в родительном падеже единственного числа мужского рода, в то время как для старорусских памятников характерно наличие форманта *-Аго*: *ближнего, преисподнего, но искренАго, преисподнАго*.

Несколько заметнее влияние со стороны общенародного языка в отдельных местоименных формах, сохранившихся в белорусском языке до настоящего времени. Особенно это касается распространения полных форм личного местоимения дательного падежа 2-го лица единственного числа и возвратного в виде *тобе, собе* (для старорусских памятников характерно *тебѣ, себѣ*).

На более тесную связь текстов Скорины с общенародным языком указывают также многочисленные случаи замены энклитических форм личных местоимений, характерных для книжно-славянского языка, полными, типа *дать мне, засведетельствуют тебе, пролиши на нихъ, терпящие тебе* — ср. в старорусских текстах *дать ми, засвѣдетельствую ти, пролби на нѣ, терпѣщи ти*.

В обоих скорининских текстах наблюдается тенденция к унификации притяжательных местоимений в именительном падеже множественного числа — употреблению в одной форме женского рода, тогда как в одноименных старорусских текстах господствующим оставался этимологически-морфологический принцип: *кости мое, дние мое, пути мое*, но *кости мое, дніе мои*. Следует отметить, что в виленском издании „Псалтыри” Скорина последовательно использовал унифицированную форму притяжательного местоимения женского рода множественного числа в винительном падеже в сочетании с существительными, обозначающими парные предметы, в то время как в пражском тексте эти формы употреблялись в соответствии с требованиями книжно-славянских норм: *избави. очи мое и нозе мое, воздвигохъ руце мое* (1525) — *избави очи мои и нозѣ мои, воздвигохъ руцѣ мои*.

Наиболее заметные отступления от книжно-славянских традиций в скорининских непереводных изданиях наблюдаются в системе глагольных категорий и форм. Характерными в этом отношении являются следующие отличительные черты скорининских изданий по сравнению со старорусскими текстами:

а) смешение аориста и имперфекта в 3-м лице множественного числа. Это явление свидетельствует об исчезновении аориста и имперфекта в живом языке, для которого было свойственно одно прошедшее время —

перфект (*сотворишасѦ – сотворишесѦ, умножишасѦ, – умножижесѦ*);

б) частая замена архаических форм аориста соответствующими перфектными, более распространенными в старобелорусском языке: *основалъ, послалъ, собралъ, сотворилъ* вместо *основа, посла, събра, сътвори*;

в) наличие окончания *-ите* вместо *-ѣте*, господствующего в старорусских текстах в формах повелительного наклонения 2-го лица множественного числа глаголов I спряжения: *принесите, възыщите* вместо *принесѣте, възыщѣте*. В виленском издании иногда наблюдаются случаи исчезновения безударного гласного *и* в составе окончания повелительного наклонения 2-го лица множественного числа: *ненавидѣте, слыште*;

г) последовательное использование окончания *-ие* вместо старославянского *-еи* в причастиях действительного залога настоящего времени множественного числа именительного падежа: *живущие, любящие, забывающие* вместо *живущей, любящей, забывающей*;

д) употребление форм на *-его* вместо *-аго* в родительном падеже единственного числа причастий действительного залога: *венчающего, спасающего* – ср. в старорусских текстах *вѣнчающаго, спасающаго*.

Используя словообразовательные средства, Скорина в основном обращался к традициям книжно-славянского языка. На то были свои причины. Во-первых, этот язык в некоторых своих звеньях был доступен и понятен белорусскому читателю, сохранял известную близость с белорусским литературно-письменным языком в материальном и структурном отношении; во-вторых, тому способствовала популярность „Псалтыри” как настольной религиозной книги; в-третьих, словообразовательная система вообще оказалась наиболее устойчивой к влиянию живого народного произношения на протяжении основных этапов развития белорусского языка. Поэтому Скорина не всегда изменял традиционную систему словообразования своих изданий „Псалтыри”. Тем не менее связь изданных им текстов со старобелорусской письменностью проявлялась в следующем:

а) в образованиях слов при помощи приставок *роз-(рос-), по-, з-* при соответствии в старорусских текстах *о-, въз-(вѣс-), оу-*: *розгорчиша, росхитѦть, поведѦша, змѦкчиша* – ср. *огорчишѦ, възвѣстишѦ, възхитѦшь, оумѦкчишѦ*;

б) в абстрактных существительных, образованных посредством суффикса *-ств-о*: *владычество, лукавство*. В старорусских текстах последовательно употреблялись усложненные формы на *-ств-ие*: *владычѣствіе, лукавствіе*.

Процесс вытеснения письменных традиций отразился и на словарном составе скорининских изданий „Псалтыри”. Семантика многих книжно-славянских слов была непонятна простому читателю, поэтому

Скорина считал целесообразным заменить их лексическими единицами, более распространенными в общенародном языке.

Скорина широко использовал общенародные лексические средства в качестве глосс для толкования непонятных заимствованных и книжно-славянских слов. Это затронуло в первую очередь существительные, обозначающие животных, растения, предметы быта, географические и оттопонимические названия: *онагри – лоси, пажить – былие, тимъпанъ – бубенъ, холми – узгорки, ефиоплене – муринове*. Скорина часто использовал глоссы и для толкования глагольных действий: *прозАбоша – возникоша, разньствить – разделить*. В случае отсутствия необходимого лексического эквивалента в общенародной речи Скорина прибегал к развернутым, описательным глоссам: *утреновати – пред світаннем вставати*.

Кроме названных частей речи, Скорина часто прибегал к глоссам для раскрытия значений прилагательных (*буши – дурнии*), причастий (*гобствующие – достаточные*), наречий (*туне – всуе*) и числительных (*тмами темъ – десети тысячъ ми*).

Другой подход к распределению лексических средств в аналогичных синтаксических конструкциях характерен для виленского издания „Псалтыри“. Здесь Скорина не выносил слова-глоссы на поля для толкования тех или других понятий, а вводил их непосредственно в текст, опуская при этом толкуемые лексемы пражского издания: *орнець (конобъ) упования моего; егда возникоша (прозАбоша) грешници яко трава; придоша площице (скныпы)*.

Большинство лексем, объясняемых в пражском издании при помощи глосс, в виленском тексте Скорина оставил без изменений: *дадите тимъпанъ, уподобихсА, нека сыти пустынному*.

Подобные вариации лексических средств в виленском издании обусловлены разными причинами. Продолжая издательскую деятельность в Вильно, Скорина имел, очевидно, более широкие возможности для тесных связей со старобелорусским языком как в письменной, так и в устной его разновидности. Семантика слов, которые в пражском издании толковались при помощи глосс, уже могла быть известна и понятна тогдашнему читателю. Поэтому Скорина не считал нужным пользоваться синонимическими лексическими средствами. Если же толкуемые в пражском издании слова не находили поддержки со стороны общенародного языка, для обозначения соответствующего понятия он использовал глоссы-синонимы.

Стремлению Скорины представить язык своих книг более понятным „людem посполитым“ подчинены и значительные лексические изменения непосредственно в текстах „Псалтыри“. Как в пражском, так и в виленском изданиях заметно выделяется большая группа слов, широко известных народно-разговорной речи и встречающихся в много-

численных памятниках старобелорусской письменности. Скорина умело использовал синонимические возможности старобелорусского языка, не нарушая содержания самой „Псалтыри“. Обращает на себя внимание богатство и многообразие скорининских приемов, особенно выразительно проявляющихся при текстуальном сравнении обоих изданий со старорусскими текстами.

Многочисленные лексические замены наиболее последовательно отражены в системе существительных и глаголов — частей речи с богатыми и разнообразными синонимическими рядами. Среди существительных выделяется группа слов, семантически соотносимых с лексикой старорусских текстов, но более употребительных в старобелорусском языке. При этом Скорина использовал синонимы, не всегда полностью раскрывающие содержание заменяемого слова, а лишь указывающие на основное его значение в каждом конкретном случае: *посредѣ сердца моего, низ'зведеш во юму, въ домехъ грешничихъ* при соответствии в старорусских текстах *посредѣ чрѣва моего, низ'сведеш въ студенець истлѣнїа, въ селѣхъ грѣшничихъ*.

Для раскрытия полного семантического объема книжно-славянской лексики Скорина широко применял и другой способ синонимической замены, заключающийся в употреблении белорусских лексических эквивалентов: *не лишит' добротъ, до старости и седины, не дотыкайтесѣ помазанныхъ моихъ* — ср. ст.-рус. *не лишитъ блага, до старости и матерства, не прикасайтесѣ помазаннымъ моимъ*.

Он творчески относился к языку своих изданий. Уже в виленском тексте чаще использованы лексико-семантические средства для обозначения синонимических понятий: *злоба, побилъ, ко олтарю*. В пражском и старорусских текстах этим словам соответствуют *безаконїе, поразї, къ жертвѣнику*.

Важной особенностью скорининских непереводных изданий является параллельное использование общенародных и книжно-славянских лексических единиц для обозначения синонимических понятий, что значительно содействовало развитию лексико-семантических рядов и стилистической дифференциации старобелорусского литературно-письменного языка: *потекоша воды, поплывоша в ... реки* — ср. ст.-рус. *потекошаѣ воды, потекошаѣ въ ... рѣкы*. И в этом случае Скорина пошел значительно дальше в виленском издании, используя синонимические средства для обозначения близких понятий: при наличии в пражском издании *творящие слово, творѣщие волю; облѣчесѣ въ ризу, да будетъ ему юко риза* в виленском встречаем *творящие слово, чинащие волю; облечесѣ въ ризу, да будетъ ему юко одежда*.

Таким образом, непереводные издания восточнославянского первопечатника Ф. Скорины подверглись значительному воздействию со стороны общенародного белорусского языка, элементы которого по-

степенно, но неуклонно проникали во все жанрово-стилевые разновидности, в том числе и в профессиональную литературу. Сравнительный анализ обоих скорининских изданий показал, что творческая деятельность восточнославянского первопечатника проходила в тесном контакте с общенародным белорусским языком.

LINGUISTIC INNOVATIONS IN THE VILNA EDITIONS OF SKORINA

V. V. ANICHENKO, A. A. PARUKOV

Summary

The article is devoted to the language of Skorina's texts of the "Pslater" (the Prague's and Vilna's editions). The authors indicate that the influence of the national Byelorussian language is noticeable in the language of these texts.

ЛИТЕРАТУРА

Булыка, 1970 – Булыка А. М. Развіццё арфаграфічнай сістэмы старабеларускай мовы. – Мінск, 1970.

Журавский, 1965 – Журавский А. И. Некоторые особенности взаимодействия древнеславянского и белорусского литературного языков. – Сов. славяноведение, 1965, № 2.

Журавский, 1967 – Журавский А. И. Про білоруські варыянт царквенно-слов'янскай мовы. – Мовознавство, 1967, № 4.

Карский, 1885 – Карский Е. Ф. Обзор звуков и форм белорусской речи. – М., 1885.

Карский, 1898 – Карский Е. Ф. Западно-русские переводы псалтыри в XV–XVII веках. – Варшава, 1898.

Гомельский государственный
университет

Апрель, 1984

Кафедра белорусского языка